

О. С. Поршнева
**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЮЗНИКАХ
В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ 1917 г.**

УДК 94(470.5)''1914/19''

ББК 63.3(2)534

Статья посвящена эволюции образов Англии и Франции в сознании широких слоев российского общества в период революции 1917 г. Рассмотрено влияние февральских и мартовских событий на временное возрождение военного энтузиазма и просоюзнических настроений в России. Показано нарастание противоречий в отношениях с союзниками весной–осенью 1917 г., отмечены расхождения позиций русского и союзных правительств в оценке перспектив войны и мира. Выявлены факторы и проявления инверсии представлений солдат, крестьян и рабочих об Англии и Франции, превратившихся в восприятии масс из союзников во врагов русского народа. Обоснована особая роль в этом процессе социалистической классовой пропаганды. Показана концентрация негативных стереотипов, связанных с Англией, воспринимавшейся массами в качестве главной виновницы продолжения войны, воплощения мировой буржуазии.

Ключевые слова: *Русская революция 1917 г., образы Англии и Франции, русско-союзнические противоречия, рабочие, крестьяне и солдаты, массовое сознание, социалистическая пропаганда, антибританские стереотипы*

Образы стран и народов — союзников России в мировой войне — были составляющими элементами общественных взглядов по вопросам внешней политики и одновременно частью отечественного социокультурного пространства представлений, мифов и стереотипов. Специфика периода Первой мировой войны заключалась в том, что образы союзников формировались в условиях не только военного противоборства, но и особого типа идейно-психологического противостояния, обозначившегося в связи с зарождением феномена «тотальной войны». Для последнего была характерна максимальная мобилизация как материальных и человеческих ресурсов, так и «коллективного духа», национального самосознания народа.

Российские общественно-политические процессы, имевшие общеевропейскую логику, развивались накануне войны в условиях формирования феноменов массовой политики, пропаганды и массовой армии,¹ что сказалось и на восприятии обществом войны, и на соци-

альных практиках военного времени. В связи с политизацией массового сознания европейских сообществ, в том числе российского, накануне Первой мировой войны этнические стереотипы, определявшие в традиционной русской культуре восприятие «других», все больше вытеснялись внешнеполитическими.

Главными союзниками России в сознании народа на протяжении всей войны были две страны — Франция и Англия. США присоединились к Антанте позже, в апреле 1917 г., когда Россия воевала уже последние месяцы; другие союзники по Антанте — Италия, Румыния и т. д. — играли в ней меньшую роль, присоединились к блоку в ходе войны и были менее известны широким слоям русского общества. В силу этого в «низовом» сознании в период Первой мировой войны не сложилось целостного и отчетливого образа этих стран. Представления же об Англии и Франции были достаточно четко маркированы и могут быть реконструированы на основе комплекса источников.

Несмотря на незавершенность формирования российской нации и неспособность рабочих и крестьян в полной мере разделить с образованными слоями общества представления о целях и интересах России в войне, в начале войны в стране наблюдался мощный патриотический подъем и даже проявлялись многие общеевропейские черты

¹ См.: Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003. P. 146–207.

Поршнева Ольга Сергеевна — д.и.н., профессор кафедры истории России Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: porshneva@yandex.ru

«настроения 1914 г.». Однако по мере развития в 1915 — начале 1917 гг. ситуации на фронтах и во внутривластной сфере представления о союзниках в массовом сознании претерпели существенную эволюцию. В дореволюционный период войны ее общий вектор определялся истолкованием мотивов поведения союзников и их качеств, проявляемых на полях сражений, в деле мобилизации людских и материальных ресурсов и, главное, в отношении к «союзническому долгу». При этом представления о союзниках были в значительной степени проекцией собственных национальных ценностей. Стремление союзников реализовать в войне прежде всего свои национальные интересы и сохранить сильную армию ко времени раздела «плодов победы», падение популярности войны и царского правительства определили «коррозию» первоначальных представлений о союзниках как о «*благородных*» защитниках общего справедливого дела, породили кризис доверия в отношениях с ними. Постепенно, по мере накопления усталости от войны, в российском общественном мнении и массовом сознании все ярче вырисовывалась тенденция подчеркивания главной роли России в войне и обличения «*корыстных*» союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей. На рубеже 1916 и 1917 гг., однако, в отношениях с союзниками произошел позитивный сдвиг, обусловленный, в частности, поражением «германофилов» в российских правительственных верхах, кампанией против «темных сил» и германских влияний, развернутой в прессе и Государственной Думе. Поражения России и затянувшееся кровопролитие значительная часть российского общества и армии объясняла «изменой» в высших эшелонах власти, ассоциируя внешнего врага с царским режимом. При этом среди солдат, крестьян и рабочих ходили самые невероятные слухи о формах «измены» царя и представителей императорской фамилии, военных и гражданских чинов.²

Антигерманские настроения, смыкавшиеся с антимоноархическими, ярко проявились в февральские и мартовские дни 1917 г., когда падение монархии в результате Февральской революции стало рассматриваться как залог скорого победоносного окончания войны.

² См.: Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 100, 101, 105–107, 200–202.

Его, как ожидалось, должно было обеспечить новое, созданное революцией правительство, свободное от германских влияний. В мартовские дни 1917 г., как и в начале войны, поднялась волна военного энтузиазма, составляющей которого были выражения чувств солидарности с союзниками. Формами их проявления были не только демонстрации, митинги и собрания, принимавшие резолюции о войне совместно с союзниками до победы над кайзеровской Германией,³ но и овации английскому и французскому послам, английским офицерам, устроивавшиеся на улицах Петрограда.⁴ В мартовской сводке военно-цензурных органов Западного фронта о настроении солдат говорилось: «Все выражают уверенность, что теперь дела пойдут иначе, так как измены в войсках не будет, а наши продукты останутся у нас, а не уйдут в Германию. ... На подъем духа оказывает большое влияние объявление войны Америкой,⁵ успехи англичан во Франции и взятие Багдада».⁶ О широком распространении в массах весной 1917 г. настроений в пользу полной победы над Германией свидетельствует значительная доля соответствующих высказываний в письмах рабочих, солдат и крестьян во ВЦИК Советов и в редакцию газеты «Известия».⁷

Возможности конструктивного взаимодействия с союзниками открывались в связи с признанием в марте 1917 г. Временного правительства сначала США, а затем Францией, Англией, Италией и другими странами Антанты. Однако очень скоро выяснилось, что отношение в Англии и Франции к событиям в России не было однозначным и целиком увязывалось с вопросом о влиянии революции на способность России продолжать войну. С этим же было связано и выражение сочувствия в этих странах свергнутому царю как «верному союзнику» Антанты. В русской печати помещались обзоры общественного мнения и печати союзников, в которых отмечалась эта особенность их отношения к революции в России.⁸

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 3. Л. 23, 58, 108; Д. 67. Л. 283а, 283б; ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 124. Л. 68; Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 18–25; Вятская речь. 1917. 15, 16 марта.

⁴ См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 347; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., б. г. 2-е изд. С. 197.

⁵ Вступление в апреле 1917 г. США в войну пришлось на март по старому стилю в России.

⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 38.

⁷ См.: Поршнева О. С. Указ. соч. С. 221.

⁸ См., напр.: Вестник Европы. 1917. № 3. С. 378; Русское богатство. 1917. № 4–5. С. 255, 256.

Энтузиазм, охвативший страну в марте 1917 г., определялся широким распространением представлений об изменении характера войны, о превращении ее в освободительную, направленную на «защиту завоеванной свободы» от посягательств «реакционной Германии». Революционное оборончество и стремление к демократическому миру стали доминантами общественных настроений весной 1917 г. Революция в представлении народа открывала дорогу к справедливому миру, массовое стремление к которому стало серьезным обстоятельством политической жизни России в 1917 г., определявшим степень популярности и влияния различных политических сил. Позитивный отклик и поддержку широких слоев населения получило Обращение Петроградского Совета «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г., в котором, наряду с идеей защиты революционного Отечества, провозглашался отказ от захватнических целей войны и социалистическая «формула мира» — «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Характерно в этом отношении, что в сознании солдат уже в мартовские дни лозунг «война до победы» сопрягался с представлением о необходимости отказа от завоевательных целей войны. В постановлении 617-го Зборовского полка от 8 марта 1917 г. говорилось: «Приветствуем и присоединяемся к лозунгу верховного главнокомандующего “Война до победы и все для победы” и присоединяемся к “Воззванию Совета Рабочих Депутатов гор. Петрограда к пролетариату всего мира” и ждем им руку... Не вести завоевательной политики»⁹. Подобное «соединение несоединимого» объяснялось широким распространением антинемецких и одновременно демократических настроений, представлений о необходимости защиты завоеванной свободы от «кайзеровской Германии».

Распространение представлений о необходимости отказа от захватнических целей войны создавало в России новую политическую реальность, порождавшую целый ряд проблем и противоречий в отношениях с союзниками, исходившими из идеи неизменности целей и идеалов Согласия. Однако в первые недели и месяцы после Февраля возможности дальнейшего сотрудничества с союзниками сохранялись во многом благодаря тому, что не только сторонники войны до победы, но и привер-

женцы идеи революционного оборончества выступали против сепаратного соглашения с Германией, за совместное с союзниками решение проблем войны и мира. Эти установки сначала активно поддерживались массами. 27 марта войсками Петроградского гарнизона была принята резолюция, в которой утверждалось, что «мир без согласия союзников является миром позорным, угрожающим русской свободе, отделяющим нас пятном измены и предательства от свободной Англии, республиканской Франции, разбитых и поруганных за други своя Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии, от клятвенного обещания восстановить свободную Польшу из немецких и русских земель».¹⁰ Аналогичные утверждения содержались в резолюциях съездов кооператоров в Москве и совещаний Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.¹¹ В то же время уже в мартовские дни революционной эйфории и военного энтузиазма проявлялись антивоенные настроения, а среди голосов в пользу продолжения войны в массовых акциях звучали пацифистские и интернационалистские лозунги. М. Палеолог, посол третьей Французской республики в Российской империи, записал в первые дни революции: «К крикам “Да здравствует Франция”, “Да здравствует Англия” неприятно примешиваются крики: “Да здравствует Интернационал”, “Да здравствует мир”».¹²

Официальный ответ Англии на Декларацию Временного правительства от 27 марта 1917 г., принятую под давлением Петроградского Совета и содержащую тезис об отказе России от захватнических целей войны, был уклончивым, хотя и содержал уверения в готовности вместе с союзниками «исследовать и, если нужно, пересмотреть» взаимные соглашения.¹³ В ответной ноте французского правительства содержались положения, выявлявшие коренные расхождения в понимании условий окончания войны, во французской и русской (революционно-демократической) «формуле мира»: «Франция не помышляет притеснять ни одного народа... но она желает, чтобы гнет, так долго тяготевший над миром, был, наконец, уничтожен и чтобы были нака-

⁹ Солдатские письма 1917 года. С. 18, 19.

¹⁰ Политическое обозрение. Вестник Европы. 1917. № 3. С. 366.

¹¹ Там же.

¹² Палеолог М. Указ. соч. С. 347

¹³ Политическое обозрение. Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 692, 693.

заны те, кто содейали преступления, покрывшие позором наших врагов в этой войне».¹⁴ В этом же документе также говорилось о желании прийти к соглашению с Россией «путем изучения и установления, с общего согласия, условий, при которых союзники могут рассчитывать на достижение окончательного решения, согласованного с теми идеями, которыми они руководились при ведении настоящей войны».¹⁵ Нота парижского кабинета была поддержана абсолютным большинством палаты депутатов французского парламента, о чем министр-президент Рибо официально сообщил русскому правительству.¹⁶

Апрельский кризис Временного правительства был и проявлением первого после Февраля кризиса в отношениях с союзниками. Прошедшие в Петрограде, Москве, Екатеринбурге и других городах антивоенные демонстрации показали коренные расхождения между, с одной стороны, официальной позицией союзников и, с другой стороны, пониманием перспектив войны рабочими, солдатами, широкими демократическими слоями населения. В апрельские дни солдаты тыловых гарнизонов, рабочие, горожане на митингах и собраниях выдвигали требования давления на Временное правительство с целью инициирования его обращения к союзникам для прекращения войны на условиях всеобщего демократического мира. В ходе волнений и массовых беспорядков в городах в конце апреля 1917 г. уже открыто проявлялись антисоюзнические настроения. В демократической прессе в апрельские дни Временное правительство критиковалось не только за отказ от прямого обращения к союзным державам с предложением мира «без аннексий и контрибуций», но и за то, что оно, как подчеркивалось, «скрывало от народа несогласие союзников с нашими условиями».¹⁷

Анализируя влияние апрельских событий на межсоюзнические отношения и на массовые настроения в России, обозреватель «Вестника Европы» Л. Слонимский отмечал, что перспективы, обозначенные в ноте Милюкова, «не обещали скорого прекращения войны и совершенно не соответствовали ожиданиям и стремлениям народных масс. <...> Серьезные политические деятели как будто не понима-

ли этой естественной народной психологии; с неудовольствием и с некоторым оттенком презрительного высокомерия отнеслись к ней наши союзники, для которых неожиданное русское миролюбие было признаком морального упадка и разложения. <...> Сторонники скорейшего прекращения войны горячо нападали на тех, кто находил неизбежным ее продолжение, и постепенно проникались неприязнью к союзникам, требовавшим от России наступления во что бы то ни стало (курсив наш — О. П.)».¹⁸

После короткой мартовской эйфории в отношении союзных держав в русском обществе стало вновь нарастать недовольство ими. Олицетворением непримиримой позиции союзников в вопросе о войне, их стремления вести войну до «победного конца» и «последнего русского солдата» для российского общественного сознания уже в 1915–1916 гг. стала Англия. Массовое недовольство Великобританией приобретало в условиях революции классовый оттенок, который умело придавала народным настроениям социалистическая пропаганда. Под ее влиянием Англия стала восприниматься рабочими и солдатами как главный оплот империализма, добивающийся продолжения войны до полного разгрома Германии в интересах буржуазии стран Антанты.

Особенно настойчиво и последовательно антисоюзническую пропаганду вели большевики, руководствовавшиеся после Апрельской конференции РСДРП(б) идеями вернувшегося из эмиграции В. И. Ленина. Англия и Франция рассматривались Лениным как главный оплот мирового капитализма, заинтересованного в продолжении войны, а зависимость от них российского капитала — как одно из важнейших препятствий прекращения войны. В обличительном пафосе Ленина, направленном против Временного правительства и его внешней политики, обвинения в адрес союзниц России занимали центральное место,¹⁹ смыкаясь с концептами германской пропаганды. Как показал Б. И. Колоницкий, директивы по ведению пропаганды, утвержденные статс-секретарем германского министерства иностранных дел, требовали использовать следующие аргументы: царское правительство, находившееся под влиянием Англии, отвергло мирные предложения Центральных

¹⁴ Там же. С. 695.

¹⁵ Там же. С. 696.

¹⁶ Там же. С. 697.

¹⁷ Уральская жизнь. 1917. 26 апр.

¹⁸ Слонимский Л. Политическое обозрение. Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 680, 681.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 153, 212.

держав, новое либеральное правительство также зависит от Англии.²⁰ Идеи об освобождении от «ига» Англии распространялись и немецкими пропагандистами среди русских солдат на фронте, прежде всего во время братаний. В сатирических стихах немецкой пропаганды англичанин изображался как «кровожадный, коварный и брюхастый паук», а на плакатах предстал злоедей Джон Буль, преграждающий русскому солдату путь домой. На плакате «Кто подготовлял войну?» этот персонаж противопоставлялся миролюбивому и трудолюбивому немецкому Михелю.²¹

Оценке союзников с классовых позиций способствовала пропаганда не только левых интернационалистов, но и умеренных социалистов — оборонцев. Среди эсеров и меньшевиков звучали голоса о недопустимости поддержки лозунга «война до победного конца», выдвигавшегося на волне патриотических настроений на митингах солдат и крестьян в марте–апреле 1917 г. Примером классовой оценки позиции союзников может служить заявление фракции меньшевиков-оборонцев на общем собрании Екатеринбургского Совета 27 мая 1917 г., в котором говорилось, что «война до победного конца не в интересах народа, а только союзной и российской буржуазии», и что «союзники не отказались от декабрьской платформы завоевательной политики» (ноты Антанты от 30 декабря 1916 г. — *О. П.*).²²

О росте антианглийских настроений и эксцессов под влиянием социалистической агитации свидетельствовал посол Великобритании Дж. Бьюкенен, который записал в своем дневнике 30 апреля 1917 г.: «Я стараюсь успокоить рабочую партию и социалистов, которые постоянно нападают на Англию за то, что она желает продолжать войну ради империалистических целей. Я пытался в своих речах разубедить их в этой мысли, но без особого успеха. Враждебные Англии нападки прессы ввиду задержания ею русских политических эмигрантов приняли столь серьезный оборот, что стали даже угрожать опасностью жизни некоторым англичанам, владельцам фабрик, положение которых и так стало далеко не безопасным вследствие ненадежного отношения

со стороны рабочих».²³ Британские военные, консулы в Одессе и Риге также фиксировали рост антианглийских настроений.²⁴

Идея заключения всеобщего демократического мира не только пропагандировалась социалистами, но и была заявлена в мае 1917 г. коалиционным Временным правительством, поставившим задачу созвать с этой целью совещание правительств всех союзных стран. Отказ от «аннексий и контрибуций» предполагал аннулирование договоров, заключенных с союзниками царской дипломатией. Данное требование выдвигалось социалистами в центре и на местах. На III Уральской областной конференции партии социалистов-революционеров, проходившей в Екатеринбурге 3–6 июля 1917 г., говорилось: «Необходимо через Советы воздействовать на Временное правительство, требуя принятия союзными правительствами формулы мира, предложенной Петроградским Советом, и немедленного пересмотра договоров, заключенных царским правительством с английскими и французскими капиталистами».²⁵

Социалистические лидеры коалиционного Временного правительства непосредственно связывали прекращение антианглийской пропаганды с согласием Великобритании на русские условия мира. Английский посол зафиксировал характерный разговор с А. Ф. Керенским, происшедший 7 мая: «Я сказал Керенскому, который зашел ко мне сегодня, что я очень обескуражен нападками печати, которая упорно обвиняет нас в том, что мы ведем капиталистическую и империалистическую войну <...> “Если бы только, — заявил он, — союзники хоть чем-нибудь выказали свою готовность последовать примеру России, отказавшейся от Константинополя, то все эти нападки прессы сразу же прекратились бы”».²⁶ Союзники же не видели оснований для пересмотра целей войны, а свою задачу рассматривали совсем по-иному: они стремились во что бы то ни стало удержать Россию в войне, для чего предпринимали разнообразные усилия.²⁷ Речь шла прежде всего о военно-технической и экономической помощи, однако использовались и средства «морального воздействия».

²⁰ См.: Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 278.

²¹ Там же.

²² Уральская жизнь. 1917. 31 мая.

²³ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 228, 229.

²⁴ См.: Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 280.

²⁵ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.

²⁶ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 232.

²⁷ См.: Ллойд Дж. Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 66; Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 215.

Одним из них стали визиты в Петроград делегаций социалистов стран Согласия, как членов союзных правительств, так и левых депутатов парламентов. Левые социалисты Антанты в большей степени, чем социал-патриоты и правительства, были солидарны с русскими лидерами Советов в вопросе об официальном пересмотре целей войны, однако и они исходили при этом из интересов войны до победы.²⁸

Если левые социалисты стран Антанты проявляли определенное понимание революционной обстановки в России, то их правительства не желали считаться с ситуацией. Более того, они заняли по отношению к России жесткую позицию: или она в полную силу продолжает войну, или пусть пожинает последствия своего ослабления. 26 апреля 1917 г. М. Палеолог записал в своем дневнике: «В самом деле, в случае, если бы мы вынуждены были продолжать войну без участия России, мы могли бы извлечь из победы, *на счет нашей отпадающей союзницы* (курсив наш — О. П.), совокупность в высшей степени ценных выгод. И эта перспектива уже в сильнейшей степени волнует многих русских патриотов. В противном случае я боюсь, что Петроградский Совет быстро сделается хозяином положения и, при содействии пацифистов всех стран, навяжет нам общий мир».²⁹

Новым коалиционным правительством и его военным министром А. Ф. Керенским, наряду с идеей всеобщего демократического мира, отстаивалась стратегия наступления на фронте и противостояния Германии в единстве с союзниками.³⁰ Лидеры социалистов в составе Временного правительства и ВЦИК Советов полагали, что Россия без союзников ни продолжать войны, ни выйти из нее не может. Они стремились к всеобщему демократическому миру, который бы заключили правительства воюющих стран под давлением организованного социалистического движения: международная социалистическая конференция должна была, по их расчетам, оказать давление на конференцию правительств воюющих стран в деле выработки условий мира. Такая позиция диссонировала с нараставшим летом—осенью 1917 г. стремлением солдат, рабочих и крестьян к скорейшему де-

мократическому миру и к выходу из войны, провозглашаемому также левыми радикалами в рядах социалистических партий. Составляющей этих настроений была эскалация ненависти к союзникам, олицетворением которых становилась «союзная буржуазия» и ее оплот — Англия. После начала июньского наступления русской армии, наряду с патриотическими манифестациями напротив английского посольства, во главе одной из которых шел сам П. Н. Милюков, произошли контрдемонстрации солдат Павловского полка. Некоторые из солдат, как вспоминал Дж. Бьюкенен, говорили: «Пойдем в этот дом (здание английского посольства — О. П.) и перебьем их всех».³¹

О нарастании массового недовольства союзниками свидетельствует устойчивая связь смысловых категорий в письмах рабочих, крестьян и солдат, адресованных ВЦИК Советов I и II созыва и редакции «Известий» весной—осенью 1917 г.³² В 170 из 330 писем (51,5 %) требования мира были связаны с выражением разочарования в союзниках. Самая устойчивая корреляция установлена между требованием мира любой ценой и утверждением о том, что Россия попала под засилье союзников, прежде всего Великобритании. Наибольшее распространение подобные высказывания получили осенью 1917 г., что было отражением не только крайней усталости масс, особенно солдат, от войны и разочарования в революционном оборончестве, но и влияния в их среде классовой, леворадикальной точки зрения в оценке союзников.³³

Широкое распространение представлений, отражающих разочарование солдат в союзниках, можно проследить по индивидуальным и коллективным письмам с фронта, а также по постановлениям солдатских собраний. Весной 1917 г. основанием для негативизма в отношении союзников была ассоциация их с царским режимом и завоевательными целями войны: страны Антанты рассматривались в качестве союзников не нового, революционного правительства а старого, николаевского режима, к которому солдаты испытывали жгучую ненависть. С апреля в письмах солдат отчетли-

²⁸ См: Палеолог М. Указ. соч. С. 469; Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 303.

²⁹ Палеолог М. Указ. соч. С. 440.

³⁰ См.: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 174–175.

³¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 245.

³² Мы подвергли контент-анализу и многомерному статистическому исследованию 330 писем рабочих, крестьян и солдат, извлеченных из дел ГАРФ: Ф. 1235. Оп. 53. Д. 3, 4, 9, 10, 64, 65, 66, 67, 68; Ф. 6978. Оп. 1. Д. 521.

³³ См.: Поршнева О. С. Указ. соч. С. 217–219.

во звучит этот мотив отторжения союзников опостылевшего царского режима. Двадцать солдат 12-й роты «18-го полка В. п.» написали в Петроградский Совет: «Не спите, а делайте мир, не смотрите на союзников или укажите, почему союзники не хотят на таких условиях мир, как мы. Ради бога, откройте эти заклятые договоры, которые сделал кровопивец Николашка с союзниками». ³⁴ 27 мая 1917 г. в письме солдат «из передовой линии окопов» во ВЦИК Советов, наряду с выдвижением требования скорейшего заключения мира, говорилось: «Раньше Николай Романов лил нашу кровь, а теперь министры хотят. Особенно мы не верим Милюкову, он что-то хвостом крутит. *Нам на союзников тоже смотреть нечего, так как не мы их приняли* (курсив наш — О. П.), а Николай Романов». ³⁵ То же неприятие союзников, доставшихся от царского режима, проявляется в письме «солдата с фронта» от 30 июня 1917 г.: «...нам не нужны такие союзники Николая II, которые хотят завоевывать и уничтожать». ³⁶

Если весной союзники ассоциировались со «старым режимом», то летом 1917 г. — уже с новым внутренним врагом — «буржуазией», отстаивающей лозунг «война до победного конца» исходя из своих корыстных интересов. В одном из майских писем с фронта говорилось: «Зачем идут такие лозунги: война до победоносного конца? Пусть тогда идут побеждать те, которые желают победоносного конца. Буржуазия и так набила себе карманы, а также Англия и Франция... Мы хотим миру без аннексий и контрибуций, когда согласны на то Англия и Франция, Германия и Австрия, то есть без всяких завоеваний; нам не нужно защищать богатство Англии и Франции и набивать карманы буржуазии». ³⁷ В этом высказывании обращает на себя внимание и вера автора в то, что демократический мир, одобренный всеми воюющими державами, достижим. Эту идею, как отмечалось выше, активно пропагандировали меньшевики и эсеры, последние же были весьма популярны в армии.

В июне–июле в письмах солдат с фронта отчетливо проступает образ своекорыстных союзников-врагов: «Россия находится в зависимости от Англии, *наша кровь льется ради*

них (курсив наш — О. П.)»; ³⁸ «Долой войну в пользу Франции и Англии — наших врагов»; ³⁹ «Англия и Франция воюют за счет русского солдата, свое войско берегут»; ⁴⁰ «Наши солдаты умирают за английский и французский капитал»; ⁴¹ «Почему Россия должна постоянно выручать союзников, а они нас — нет?»; ⁴² Почти в каждом солдатском письме указывалось, что «так думают все солдаты в окопах». Отмена договоров, заключенных с союзниками, рассматривалась солдатами как первый шаг к демократическому миру. Об этом говорилось в первом пункте постановления общего собрания солдат 76-го Сибирского стрелкового полка в сентябре 1917 г.: «Для достижения скорого демократического мира немедленно объявить договоры, заключенные царем с бывшими союзниками, недействительными. <...> Объявить условия демократического мира всех воюющих государств на основе выдвинутых русской революцией». ⁴³

Критические и негативные оценки союзников и союзнической стратегии были характерны не только для солдат. В письме во ВЦИК, подписанном «обществом целого народа губернии Пензы», от 28 июля 1917 г. говорилось: «Союзники для себя делают хорошо, а для нас — плохо». ⁴⁴ Собрание офицеров и солдат 48-го полка 12-й пехотной дивизии в июне 1917 г. обсуждало вопрос о том, кто является для России более опасным врагом — Германия или Англия; единодушно была названа Англия. ⁴⁵ Широкое распространение в армии англофобии косвенно подтверждается приказами русского командования. Так, командующий 3-й армией требовал разъяснять солдатам, что Англия — верный союзник России, поставляющий ей оружие и снаряжение, что британский флот сдерживает немецкие военно-морские силы, а цель Германии — ослабить англо-русский союз. ⁴⁶

Союзники по Антанте отождествлялись в массовом сознании солдат и рабочих с русскими сторонниками войны до победы, отношение к которым стало резко ухудшаться летом 1917 г. В «Вестнике Европы» отмечалось

³⁴ Солдатские письма 1917 года. С. 48, 49.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 9. Л. 20–21.

³⁶ Там же. Л. 43.

³⁷ Солдатские письма 1917 года. С. 63.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 9. Л. 44.

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Там же. Л. 73.

⁴¹ Там же. Л. 49.

⁴² Там же. Л. 65.

⁴³ Там же. Л. 111.

⁴⁴ Там же. Л. 79а.

⁴⁵ См.: Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 280.

⁴⁶ Там же.

в это время, что после агитации интернационалистов «люди поверили, что злейшие враги народа — “буржуи”, т. е. все чисто одетые и умытые субъекты, предпочитающие победы поражениям, и что с ними надо беспощадно воевать, а вовсе не с германцами, которые только потому стоят на нашем фронте, что боятся нашего наступления».⁴⁷ После провала корниловского выступления произошло смыкание образов Англии и Франции с представлением о внутренней и международной контрреволюции, «мировой буржуазии». Этому способствовала пропаганда большевиков и других левых интернационалистов, изображавшая союзников по Антанте участниками «заговора международной буржуазии», а также поддержка, оказанная Корнилову некоторыми миссиями Великобритании.

По мере развития событий весной–осенью 1917 г. все большую роль в отношении к союзникам на уровне массового сознания играл классовый подход. Он проявлялся не только в отождествлении интересов и позиций буржуазии России и стран Антанты, но и в апеллировании к «трудящимся», «пролетариату» воюющих стран как к союзнику русского народа. Левые социалисты, в первую очередь большевики, шли еще дальше по пути классовой дифференциации образа союзника: в качестве союзников русского пролетариата они рассматривали не всех социалистов воюющих стран, а лишь «циммервальдистов» и революционных «трудящихся», уповали на революцию в воюющих странах, противопоставляя ее планам «социал-оборонцев». Тем самым образ союзников в представлениях левых радикалов не просто лишился национальных черт, но был наполнен сугубо интернациональным, классовым содержанием.

Таким образом, весной–осенью 1917 г. из стран — союзников России Англия и Франция в восприятии широких слоев населения, прежде всего солдат и рабочих, последовательно превращались во врагов, оказавшихся после революции «по другую сторону баррикад». Сначала они стали рассматриваться как неотъемлемый атрибут ненавистной царской дипломатии и политики, а затем — классовой политики российской и мировой буржуазии. Наибольшая враждебность проявлялась по отношению к Англии: традиционная англо-

фобия, распространенная в русском обществе, была стимулирована актуализацией антибританских стереотипов под влиянием осознания непримиримости позиций сторон в вопросе о войне и мире, «эгоизма и расчетливости» поведения союзника, не желавшего считаться с интересами России и русского народа. Как заметил Б. И. Колоницкий, образ Джона Буля, олицетворявшего английский капитализм, «коварного Альбиона», находясь на границе ксено- и социофобии, способствовал распространению образа врага — Буржуя, так как большевики получили возможность использовать в целях политической мобилизации давнюю и развитую традицию англофобии.⁴⁸ Ухудшению отношений с Францией и нарастанию негативизма во взаимном восприятии способствовало не только усугубление общих противоречий между революционной Россией и союзниками, расхождение «программ мира» и видения перспектив войны, ослабление русского фронта, но и положение частей русского экспедиционного корпуса во Франции. После Февральской революции и особенно кровопролитных апрельских боев в ходе «операции Нивеля» в русских войсках во Франции началось брожение, стали раздаваться требования о возвращении на родину, в которых им было отказано. Нежелание Временного правительства возвращать бунтарские бригады из Франции, репрессии против русских солдат и привлечение их на принудительные работы еще более осложнял русско-французские отношения.⁴⁹

Октябрьский переворот в Петрограде знаменовал начало реализации большевистской программы выхода России из войны, изложенной в «Декрете о мире». Центральными ее пунктами были незамедлительное обращение ко всем воюющим народам и их правительствам с предложением заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, объявление перемирия на всех фронтах и начало переговоров о мире.⁵⁰ В соответствии с этим 9 ноября 1917 г. начались переговоры об условиях перемирия в Брест-Литовске между представителями Советского правительства и блоком Центральных держав. После заключения перемирия сроком на

⁴⁸ См.: Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 283, 284.

⁴⁹ См.: Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. М.-Магнитогорск, 2006. Вып. VI. С. 327–330.

⁵⁰ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 12–16.

⁴⁷ Слонимский Л. Политическое обозрение. Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 709.

28 дней (с 4 декабря 1917 г. по 1 января 1918 г.) 9 декабря в Бресте начались переговоры об условиях мира, которые очень быстро показали «аннексионистские аппетиты» Германии и ее союзниц в отношении Советской России в условиях непризнания переговоров странами Антанты. После принятия большевиками курса на заключение сепаратного мира вопрос об отношении к бывшим союзникам по Антанте стал рассматриваться разными политическими и социальными силами в контексте перспектив возможной войны с ними в условиях разворачивающегося противостояния внутри самой России.

Заключение Брестского мира, как и предполагали оппоненты большевиков, вызвало негативную реакцию стран Антанты и США. 18 марта 1918 г. была принята написанная Ж. Клемансо от имени союзников Декларация о непризнании мирных переговоров Советской России с Германией.⁵¹ Союзники под предлогом недопущения использования Гер-

манией российских ресурсов и запасов вооружений, а также необходимости доведения войны до победного конца пришли к решению об организации вооруженной интервенции против Советской России.⁵²

С этого времени образы союзников по Антанте стали вплетаться в систему представлений, связанных с Гражданской войной: бывшие союзники России воспринимались как классовые враги, пособники российской буржуазии в представлении рабочих, солдат, части крестьян, с одной стороны, и как союзники/попутчики сил, защищающих интересы традиционной российской государственности или ее либерально-демократической альтернативы, — с другой. Организация интервенции бывшими союзниками по Антанте и распространение коммунистической идеологии в России после окончания Гражданской войны обусловили утверждение и укоренение в массовом сознании населения Советской России их враждебного образа.

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: porshneva@yandex.ru

EVOLUTION OF THE POPULAR IMAGE OF THE ALLIES IN THE 1917 REVOLUTIONARY RUSSIA

The article studies the evolution of England and France images in the minds of the Russian general public during the period of the Russian Revolution of 1917. The author demonstrates the influence of the “Mood of February and March” on the temporary revival of war enthusiasm and the pro-allies feelings in Russia. The article dwells on growing disagreement in the Russia-allies’ relationships in the spring-autumn of 1917, particularly in their understanding of the war and peace consequences. Particular attention is paid to the factors and manifestations of inversion of the workers’, peasants’ and soldiers’ understanding of the role of England and France in the war and their relations to Russia, and the resulting transformation of their perception by the common public not as allies but as the enemies of the Russian people. The role and importance of socialist class propaganda in discrediting the allies in the eyes of the public is demonstrated. The concentration of negative stereotype images of Great Britain also contributed to the growing popular idea condemning the UK as the main proponent of continuation of the war, and the incarnation of the hostile global bourgeoisie.

Key words: *Russian revolution of 1917, England and France images, Russia-allies contradictions, workers, peasants and soldiers, mass consciousness, socialist propaganda, negative Britain stereotypes*

REFERENCES

- Kerenskiy A. F. *Voprosy istorii* (Questions of History), 1991. № 1, pp. 166-187. (in Russ.).
- Kolonitskiy B. I. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Russia and the First World War. Proceedings of the international scientific colloquium]. St. Petersburg: Dmitriy Bulgandin Publ., 1999, pp. 271–287. (in Russ.).

⁵¹ См.: Ллойд Дж. Д. Указ. соч. С. 101.

⁵² Там же. М., 1937. Т. 6. С. 82.

-
- Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1969, 672 p. (in Russ.).
- Lloyd George D. *Voennye memuary* [War memoirs]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo Publ., 1938, Vol. 5, 366 p. (in Russ.).
- Milyukov P. N. *Vospominaniya* [Memories]. M.: Sovremennik, 1990. Vol. 2, 448 p. (in Russ.).
- Paleolog M. *Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii* [Tsarist Russia on the eve of revolution]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, 493 p. (in Russ.).
- Porshneva O. S. *Krestyane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Peasants, workers and soldiers of Russia before and during the First World War]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
- Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. Dekalb: Northern Illinois University Press, 2003, 288 p. (in English).
- Soldatskie pisma 1917 goda* [Soldiers' letters 1917]. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1927, 166 p. (in Russ.).
- Senyavskaya Ye. S. *Problemy rossiyskoy istorii* (Problems of Russian history). Moscow; Magnitogorsk: IRI RAN Publ., 2006, Issue 6, pp. 319-348. (in Russ.).